

Философия боли

Горизонт сознания

Екатерина Дайс

*Вхожу в распил веков, в тень боли на стене,
в Донского тёмный улей,
в ужасный коридор, проложенный во мне
оледенелой пулей...*

М.Л.

Пенталгин, Нурофен, Терпинкод, оказавшиеся под запретом в начале июня 2012 года – это не что иное, как ответ гностической России на культуру западного гедонизма, казалось бы, уже на протяжении нескольких десятилетий преобладающую в столице. В чём смысл этого запрета на лекарства? Естественно, не в том, что наркоманы перестанут варить свой «крокодил».

Помнится, из-за подпольного зельеварения уже запрещали марганцовку. В чём философский смысл того, что мужчины с похмельем, женщины с ПМС, дети с режущимися зубками будут лишены банальных, всем привычных средств?

С болью можно обращаться по-разному. Можно терпеть, не замечая её, можно делать йоговские асаны, применять народные средства, сходить в аптеку за Пенталгином, то есть обратиться к так называемой «традиционной медицине». Сходить к врачу за рецептом. Можно предупреждать боль и не есть шоколада, бобовых и сыра. Не пить алкоголя. Главное в боли то, что она ставит человека на место, показывает ему истинные границы его тела, боль лишает человека иллюзии всемогущества и чувства свободы.

Как в детстве, когда растёт позвоночник, тебе либо снятся сны, где ты летаешь, либо ты больно падаешь, разбиваясь об землю. Чувство полёта, свободы или боль, пронзающая тело.

Гностики, считавшие весь мир за тюрьму, многое понимали в философии боли. Отсюда – хлысты и скопцы с их самобичеванием и самооскоплением, уподобляющим человека ангелам. Отсюда и современная мазохистская субкультура сплиттеров, или молодых людей, разрезающих свой язык на две части наподобие языка змеи. Впервые «змеиный язык» сделала себе Дастин Эллор – 19-летняя мастерица тату из США ещё в 1996 году. Теперь это абсолютно обычная процедура, даже не слишком шокирующая окружающих, по крайней мере не больше, чем пирсинг в пупке или бритые брови. Это одна из услуг тату-салонов, которые настоятельно не рекомендуют сплиттерам делать надрез самостоятельно, поскольку существует риск задеть одну из двух артерий, проходящих в языке. Сами сплиттеры объясняют свою странную телесную модификацию тем, что они хотят новых ощущений при «французском поцелуе». Помимо эпатажа, разумеется.

Нам представляется, что дело тут несколько глубже. Со змеиным языком они становятся похожи на Номмо – перволюдей догонов, вернее, людей-змей, прилетевших с Сириуса. Понятное дело, что догоны этих людей не знали, им всё придумал французский антрополог Марсель Гриоль, после отъезда которого другие учёные тщетно пытались найти у догонов сведения о змеелюдах. Гриоль, в свою очередь, использовал гностическую эмблематику, в которой творец этого мира, Верховный глава Небес и Зонов – Абракасас – представляет из себя человека с головой петуха и ногами в виде двух змей. В египетском искусстве Абракасас изображался в головном уборе с рогами – маленькие металлические рожки над бровями также любят делать себе сплиттеры.

Гностицизм, на самом деле – это ещё одна мировая религия, – распространённая и в Африке, и в Евразии, и в Америке, – упор в которой делается на боль и страдание как на неотъемлемые качества это мира. «Гностицизм начинается с признания того, что земная жизнь полна страданий и непостоянства», говорил философ, епископ Гностической католической церкви Стефан Хёллер. Суть гностической боли состоит в том, что человек – это существо, в котором божественная искра вынуждена пребывать внутри иноприродной материи, злой и враждебной плоти. Разница потенциалов между духом и телом приводит к страданиям, которых невозможно избежать, или ослабить в этой жизни. Или, по словам писателя

Александра Мелихова, хорошо передающими суть гностицизма: «Вы замечали, что почти все сигналы нашего тела это сигналы боли – там жмёт, там трёт, там жжёт... Это удовольствия нужно организовывать специально, а боль – воистину праздник, который всегда с нами[1]».

Игорь Яковенко – философ, впервые предложивший считать русскую культуру в целом гностической, говорит об этом так: «Вам известна такая широко распространенная в нашей стране практика, как обмен негативными новостями? “Как дела?” — “Ой, ужас! Ребенок болеет, муж совсем замучил, на работе неприятности...” — “А у меня еще хуже!...” Этот обмен носит почти ритуальный характер. ...А на самом деле смысл подобного обмена негативной информацией в том, что один русский говорит другому русскому, что он настоящий гностик[2]».

Другой русский философ, Михаил Бойко, даже предложил термин для описания традиционной в России культуры боли и страдания, «алгософия» – от греческого слова «алгос», боль. Именно это слово присутствует в названии запрещённого к свободной продаже лекарства «Пенталгина». Однако нам представляется, что термин для науки о боли «долористика», образованный от латинского корня “dolor” – боль, страдание, скорбь, может прижиться гораздо лучше, ведь в нём отражается амбивалентность нынешней культуры гедонизма и культуры страданий через омофоническую связь главного источника наслаждений, американского доллара, и «долора» как источника боли.

Главное в скорби и боли то, что она может служить идеальной мерой всех вещей. Мне вспоминается забавный случай. Один профессор послал своему коллеге очень сложную научную статью, только что написанную, с той целью, чтобы его друг внёс необходимые правки и замечания. Каково же было изумление этого профессора, когда коллега (был жаркий июльский полдень, раскалённый московский асфальт не позволял ни думать, ни дышать, ни шевелиться) прислал ответ по e-mail'у. В ответе содержалась очень важная для начала долористики фраза: «Чем всё это читать, уж лучше я пойду к своему зубному врачу!» То есть мера страданий при чтении учёного текста была явно выше, чем стресс от бормашины или щипцов стоматолога.

И тут мы подходим ещё к одной важной вещи – пределу страданий. В популярном «демотиваторе», гуляющем сейчас в интернете, говорится о том, что женщины во время родов испытывают такие страдания, которые соотносимы с двадцатью переломами костей, полученными одновременно, или боль до 57 del (при смертельном болевом пороге в 45 del). В этот демотиватор закралась ошибка: единица боли названа как del, и эта ошибка понятна – всем известна компьютерная клавиша Del или Delete, удаляющая лишние знаки. На самом деле единица измерения боли называется dol, от того самого латинского слова “dolor”. В 1940 году команда врачей из Корнелльского университета под руководством Дж. Д. Харди проводила эксперименты для создания шкалы измерения человеческой боли. Лбы сотен студентов прижигались с помощью специального прибора, позднее группа учёных жгла руки рожаящих женщин в промежутках между схватками. В результате была создана шкала измерения боли, максимальным значением в которой стало 10.5 dol, а уровню в 8 dol соответствовал ожог второй степени. Но поскольку субъективные ощущения у всех разные, эта шкала измерения боли так и не прижилась и сейчас не используется.

Дж. Д. Харди использует для описания того, что они делали, мягкий термин «thermal radiation»[3], тепловое излучение. А сам процесс называет «долометрией» – лабораторным методом измерения болезненности Харди и Гуделла. Возможно, такие исследование и влияют на отношение людей к врачам, помимо традиционного недоверия архаических масс к докторам как к представителям городской модернизированной субкультуры.

Известно, что отношение к родам в сельской, традиционной среде гораздо легче и проще, чем в городской. И, судя по всему, процесс родов в немодернизированной культуре проходит гораздо легче. В качестве примера приведу «феномен кувалды», распространённый в африканских странах: когда женщине приходит срок, её муж имитирует боль и страдания, тем самым перенося их с роженицы на себя.

Итак, что же произошло с нашим обществом 1 июня – в день, когда большинство привычных и эффективных лекарств оказались недоступными без рецепта? Российская власть подтвердила предположения философов о гностическом характере русской культуры. Боль надо терпеть, ибо она – неотъемлемая часть этого жестокого мира. Тот, кто отказывается испытывать физическую боль, будет подвергаться моральным страданиям – в длинных очередях в поликлинику, или финансовым тратам – за фальшивые рецепты, запасённые впрок. Боль выступает здесь как экзистенциальный феномен, способствующий пробуждению от, казалось бы, поглотившего Россию западного гедонизма, сходного с тем, что был в Риме в эпоху позднего эллинизма.

Но тут встаёт другой вопрос, для меня как для учёного принципиально важный. Может ли гностик быть гедонистом, или удел гностика – стоицизм и аскетизм? Исследуя различные гностические течения, я обнаруживала среди них как строжайшую аскезу, так и бездны гедонизма. Причём обе эти крайности объяснялись одной и той же причиной – презрением и отвержением материального мира, который не должен оказывать влияние на дух человека, принадлежащий к Плероме, высшему миру. В какой бы грязи и разрухе не горел костёр, его пламя нельзя ничём запачкать – эта метафора, как мне кажется, идеально

отражает представление о духе в гностицизме.

Пенталгин, Нурофен, Терпинкод – лекарства, которые избавляли нас от страданий. Но что такое боль сама по себе? Не является ли она единственным истинным голосом реальности – вот вопрос, на который должна ответить новая русская долористика, или философия боли.

Примечания:

[1] Мелихов Александр. Зов предков или горький опыт? // Октябрь. №7, 2011.

[2] Яковенко Игорь. Об Опонском царстве, жареном петухе и пользе стоматологии. Беседу с доктором философских наук, профессором Игорем Григорьевичем Яковенко ведет Ирина Доронина. // Дружба народов. №1, 2008.

[3] Hardy James D ., Javert Cart T. Studies on pain: measurements of pain intensity in childbirth.

06.06.12 10:54

© Содержание - Русский Журнал, 1997-2012. Наши координаты: info@russ.ru Тел./факс: +7 (495) 725-78-67